

Сказки братьев Гримм. Сапог из буйволово́й кожи

Бесстрашный солдат большею частью бывает и беззаботным человеком. Такой-то вот беззаботный солдат и получил однажды отставку; и так как он ничему не обучался и ничем не мог заработать, то и пришлось ему бродить по миру и просить милостыню. На плечах у него еще была накинута старая шинель, и пара кавалерийских сапог из буйволово́й кожи еще держалась у него на ногах.

Случилось ему как-то забрести далеко в поле и дойти до леса. Он и сам не знал, куда забрел, и вдруг увидел, что на пне сидит человек, одетый в приличное зеленое охотничье платье.

Солдат подал ему руку, опустился около него на траву и вытянул ноги. «Вижу я, приятель, – сказал солдат егерю, – что у тебя тонкие сапоги и вычищены важно; ну, а вот если бы тебе пришлось столько же шляться, как мне, то не долго бы они у тебя продержались. Вот посмотри на мои: они сшиты из буйволово́й кожи и давно уже служат, а все еще в них куда хочешь ступай!»

Немного спустя солдат поднялся и сказал: «Не могу здесь больше оставаться, голод меня подгоняет. Но, франтприятель, не знаешь ли хоть ты тут в лесу дорогу?» – «Не знаю, – отвечал егерь, – я и сам заблудился в лесу». – «Так, значит, и тебе так же солоно, как и мне приходится? Ну что же, ровня с ровнею товарищи; значит, мы оба вместе и дорогу разыскивать станем».

Егерь слегка усмехнулся, и пошли они далее вместе и шли до наступления ночи. «Вижу я, – сказал солдат, – что мы из лесу не выберемся; но вон вдали огонек – там, верно, найдется нам что поесть».

И точно, они подошли к каменному дому, постучались у дверей, и им отворила старая женщина. «Мы ищем себе ночлег, – сказал солдат, – да кой-какой подкладки для желудка, потому что мой-то пуст, как старый ранец». – «Здесь вам нельзя оставаться, – сказала им женщина, – здесь разбойничий притон, и вы отлично

сделаете, если отсюда уберетесь подобру-поздорову прежде, нежели они вернутся; если они вас здесь найдут, вам несдобровать». – «Ну, что ж за важность! – сказал солдат. – У меня уже два дня во рту маковой росинки не было, и мне решительно все равно – здесь ли погибнуть или в лесу околоть от голода! Как хочешь, а я войду!»

Егерь не хотел с ним входить, но солдат втащил его насильно, приговаривая: «Войдем, приятель! Ведь не сейчас же они до нас доберутся?!»

Старуха сжалилась над ними и сказала: «Залезайте за печку; коли от их ужина что-нибудь останется, то я вам эти остатки подам, когда они заснут».

И чуть только успели они усестыся в углу, как в дом ворвались с шумом двенадцать разбойников, сели за стол, уже накрытый для них, и громко стали требовать, чтобы им подан был ужин. Старуха внесла большой кусок жареного мяса, и разбойники принялись за него очень деятельно.

Когда солдат почуял запах жаркого, он сказал егерю: «Не могу больше выдержать! Ей-ей, пойду сяду за стол и стану есть с ними вместе». – «Да ведь ты нас обоих погубишь!» – сказал егерь и стал его удерживать. Но солдат принялся громко кашлять.

Как только разбойники это услышали, они сейчас побросали вилки и ножи, вскочили из-за стола и нашли обоих незваных гостей за печкой.

«Ага, господа честные, – крикнули разбойники, – вы что тут в углу подельваете? Чего вам здесь надо? Или вы сюда разведчиками присланы? Вот погодите, мы вас научим летать, подвязав к сухой ветке». – «Ну, ну, повежливее, – сказал солдат, – я голоден, как собака, дайте мне поесть, а там делайте со мною, что вам будет угодно».

Разбойники опешили, и атаман их сказал: «Видю я, что ты не из трусливого десятка; ладно, дадим тебе поесть, а там и в петлю». – «Ну, это еще не сейчас, – сказал солдат, присел к столу и храбро принялся за жаркое. – Франтприятель, ступай сюда и ешь, – крикнул он егерю, – ведь и ты не меньше меня проголодался, а такого славного жаркого тебе, пожалуй, и дома

не дадут!»

Однако же егерь отказался от еды. А разбойники смотрели на солдата с изумлением и говорили между собою: «Бесцеремонный малый! Нечего сказать!»

Затем солдат сказал: «Теперь, пожалуй, уж еды-то и довольно, так не дурно было бы и выпить чего-нибудь хорошенького».

Атаман расположен был даже, и это допустить и крикнул старухе: «Принеси-ка нам бутылочку вина из погреба да смотри – из самых лучших».

Солдат откупорил бутылку со звоном, подошел с бутылкою к егерю и сказал: «Приметь, приятель, теперь увидишь ловкую штуку: я предложу выпить за здоровье всей шайки».

Тут он поднял бутылку над головами всех разбойников и воскликнул: «Пью за ваше здоровье, ребята, чтоб сидеть вам рот раскрывши да правую руку поднявши!»

И запил этот тост хорошим глотком вина.

И что же? Едва он произнес эти слова, как они все словно окаменели: сидят, не ворохнутся, рот открыв, правую руку вверх подняв!

Тут егерь сказал солдату: «Вижу я, что ты умеешь всякие фокусы проделывать, однако пойдем отсюда и поскорее – домой». – «Ото, приятель! Это уж значило бы слишком рано отретироваться; мы врага разгромили, так надо и добычей поживиться. Они крепко сидят, и видел, как рот открыли от изумления! А двинуться не смеют, пока я не дозволю. Ступай-ка поешь да выпей!»

Старуха должна была еще раз сбегать в погреб и принести еще одну бутылочку из лучших, и солдат не поднялся из-за стола прежде, нежели наелся на три дня.

Наконец, когда уже рассвело, он сказал: «Ну, теперь пора снимать палатки, а для того, чтобы подсократить поход наш, старуха должна нам указать ближайшую дорогу к городу».

Прибыв в город, солдат пошел прямехонько к своим старым товарищам и сказал им: «Я там в лесу накрыл целое гнездо висельников – пойдите со мною разорять его».

Приведя их, солдат сказал егерю: «Пойдем с нами опять туда же, и посмотри, как они у нас в руках завертятся».

Окружив разбойников солдатами, он взял бутылку, выпил из нее

глоток, потом взмахнул ею над ними и крикнул: «За ваше здоровье!» В тот же миг к ним возвратилась способность движения; но их тотчас схватили и перевязали по рукам и по ногам.

Затем солдат приказал побросать их в телегу, как мешки, и свезти в тюрьму.

Егерь же отвел одного из команды в сторону и дал ему еще одно поручение.

«Ну, фронт-приятель, – сказал солдат, обращаясь к егерю, – мы теперь врага благополучно одолели, да и сами напитались сытно, теперь поплетемся за ними вслед спокойно и полегоньку».

Когда они приблизились к городу, то солдат увидел, как толпы людей высыпали из города, махая зелеными ветками и оглашая воздух радостными кликами. Затем увидел он, что им навстречу выступила вся королевская гвардия.

«Это что такое?» – с удивлением проговорил он, обращаясь к егерю. «А разве ты не знаешь, – отвечал тот, – что здешний король долгое время отсутствовал, а теперь возвращается в свое королевство: вот все и вышли ему навстречу». – «Да где же этот король-то? – сказал солдат. – Я его не вижу». – «А вот он, – отвечал ему егерь, – я король и возвестил им о моем прибытии». Тут он расстегнул свое егерское платье так, что под ним можно было видеть его королевское одеяние.

Солдат перепугался, пал на колени и извинялся в том, что он по незнанию обращался с ним как с ровней и называл его шутивными прозвищами.

Но король протянул ему руку и сказал: «Ты храбрый солдат и спас мне жизнь. Отныне ты не будешь более нуждаться, я о тебе позабочусь. И если ты когда-нибудь захочешь отведать кусок хорошего жаркого, ну хоть такого, как в разбойничьем вертепе, так приходи в королевскую кухню. Но если ты задумаешь пить за чье-нибудь здоровье, то сначала испроси у меня на то позволения».

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Девушка Малейн (Дева Малейн)

Жил да был некогда король, у которого единственный сын задумал свататься к дочери могущественного короля, дивной красавице по имени Малейн. В сватовстве королевичу было отказано, потому что отец-король хотел выдать свою дочь за другого.

Но так как юноша и красавица-королевна крепко друг друга полюбили, то они не хотели отказаться от надежды на свой союз, и Малейн твердо сказала отцу: «Не хочу и не могу никого иного избрать себе в супруги».

Тогда отец-король прогневался и приказал построить мрачную башню, в которую бы не западал ни один луч солнечный, в которую бы и месяц светить не мог.

Когда башня была закончена, тогда король сказал дочери: «Ступай и сиди там семь лет сряду, а просидишь семь лет, так я приеду к тебе, посмотрю, будешь ли ты еще упрямитесь».

На семь лет в ту башню снесено было и пищи, и питья, а затем в нее была введена королевна и ее служанка, и были они в той башне замурованы – отлучены и от земли, и от неба.

Так и сидели они во мраке, не зная ни дня, ни ночи.

Часто ходил королевич около той башни, часто возглашал ее имя, но ни один звук извне не проникал через толстые стены. Что оставалось им, кроме стонов и слез?

А между тем время шло да шло, и узницы по уменьшению запасов питья и пищи стали замечать, что семилетие близится к концу. Они думали, что миг избавления их из страшной тюрьмы уже наступает, но, к удивлению своему, не слышали ни одного удара молотком в их стену, и ни один камень из нее не собирался выпасть; казалось, отецкороль совсем и забыл о них.

Когда уж у них оставалось очень немного пропитания и ужасная смерть представлялась им близкой, тогда королева Малеев сказала: «Мы должны решиться на последнее средство – попытаться пробить стену нашей тюрьмы».

Взяла она большой хлебный нож, стала им раскапывать известку около одного камня, а когда, бывало, уставала, то ее заменяла в той же работе служанка.

После усиленного труда им удалось вынуть один из камней, а потом и другой, и третий...

И вот через три дня первый луч света проник во мрак их тюрьмы, и наконец отверстие, сделанное в стене, стало настолько велико, что они уже могли из башни выглянуть на свет Божий. Небо было голубое, и свежий воздух теплою струей веял им в лицо но как же было печально все кругом!

Отцовский замок лежал в развалинах, город и окрестные деревни (насколько можно было окинуть взглядом) сожжены, а поля и вширь и вдаль опустошены...

Нигде не видать было души человеческой!

Когда им удалось настолько расширить отверстие в стене, что они уже могли через него вылезть, то сначала спрыгнула на землю служанка, а затем сама королева Малеев. Но куда же они должны были направиться?

Враги опустошили все королевство, прогнали короля, всех жителей истребили.

Пришлось им искать приюта в другой стране, но нигде не находили они себе надлежащего крова, нигде не встречали человека, который бы им дал хоть кусочек хлеба, и нужда,

теснившая их, была настолько велика, что приходилось питаться даже крапивой.

Когда же наконец после долгого странствования они пришли в другую страну, то всюду предлагали свои услуги; но где ни стучались в двери, всюду встречали отказ и никто не хотел над ними сжалиться.

Наконец они пришли в большой город и прежде всего направились к королевскому дворцу; но и там их не приняли, и только повар, сжалившись над бедными скиталицами, оставил их при кухне судомойками работать.

Сын того короля, в стране которого они находились, и был суженым красавицы Малеен. Отец же предназначил ему в невесты другую, которая так же была дурна собою, как и зла. День свадьбы уже был назначен, и невеста приехала, и, сознавая свое безобразие, она никому не показывалась, заперлась в своей комнате, и королева Малеен должна была ей носить кушанье из кухни.

Когда наступил день свадьбы и невесте предстояло идти с женихом в кирху, то она, стыдясь своего безобразия, стала опасаться, что, если покажется на улице, то ее, может быть, осмеют в толпе народа. Вот и обратилась она к красавице Малеен и сказала: «Тебе предстоит большое счастье, я себе намяла ногу и потому не могу перейти через улицу: надень мой свадебный наряд и стань на мое место. Такой-то чести тебе и вовек не дожидаться!»

Но красавица Малеен от этой чести отказалась и сказала: «Не желаю никакой чести, не подобающей мне».

Напрасно та даже и золото ей предлагала.

Наконец она сказала гневно: «Если ты меня не слушаешь, то поплатишься жизнью, мне стоит только слово сказать – и голова твоя падет к твоим ногам».

Тогда Малеен должна была повиноваться и надеть свадебный наряд и убор невесты королевича.

Когда она вступила в королевский зал, все были изумлены ее красотой, и король сказал: «Вот невеста, которую я тебе избрал, ты ее должен вести в церковь».

Жених был очень этим удивлен и поражен: «Она похожа на мою

красавицу Малеен, и я даже готов был бы думать, что это она сама, – но та, увы! – уже давно сидит замурованная в башне или, может быть, даже умерла».

Он взял ее за руку и повел в кирху. По пути в кирху попался им крапивный куст, и она сказала:

Крапивушка!

Крапивушка ты моя,

Что стоишь понурая?

Я, когда в беде осталась,

Лишь тобой, Крапивушка,

От голода спасалась.

«Что ты такое говоришь?» – спросил королевич. «Так, ничего. Только вот вспоминаю о Малеен».

Он удивился тому, что она знает его милую, но смолчал.

Когда они переходили по мосточку, который вел к кирхе, Малеен опять сказала:

Мостик мой, не обломись!

Ты, жених, не обманись!

«Что ты такое говоришь?» – спросил королевич. «Так, ничего. Вспомнилась мне бедная Малеен». – «Да разве ты знаешь Малеен?» – «Нет, как мне ее знать! А так, слыхала о ней».

Подойдя к дверям кирхи, она опять проговорила:

Дверь, с петельки не сорвись!

Ты, жених, не обманись!

«Да что ты такое говоришь?» – спросил жених. «Да вот только что о бедной Малеен вспомнила».

Тогда он вынул драгоценное ожерелье, повесил ей на шею и скрепил кольца его цепи. Затем они вступили в кирху, священник соединил их руки и обвенчал их.

Королевич повел ее обратно, но она во все время пути не произнесла ни слова.

По прибытии в королевский замок она поспешила в комнату невесты, сняла с себя подвенечное платье и убор невесты, надела свое серое простенькое платьице и сохранила только то ожерелье на шее, которое надел на нее королевич.

Когда наступила ночь и новобрачная должна была идти в комнату королевича, то она опустила покрывало на лицо свое, дабы он не

заметил обмана.

Когда они остались одни, он сказал ей: «Что же ты такое говорила, обращаясь к крапивному кусту, что при дороге стоял?» – «К какому крапивному кусту? – спросила она. – Никогда я ни с каким крапивным кустом не разговаривала». – «Коли ты этого не делала, так, значит, ты не настоящая моя невеста», – сказал он.

Тогда она не растерялась и сказала:

Я пойду к служанке, может,

Вспомнить мне она поможет.

Она вышла из комнаты и спросила у красавицы Малеев: «Ты что это крапивному кусту говорила?» – «А только всего и сказала:

Крапивушка!

Крапивушка ты моя,

Что стоишь понурая?

Я, когда в беде осталась,

Лишь тобой, Крапивушка,

От голода спасалась».

Невеста, услышав это, прибежала обратно в опочивальню и сказала: «Знаю я, что я крапивному кусту говорила!» – и повторила только что слышанные ею слова.

«А что ты говорила мосточку перед кирхой, когда мы через него переходили?» – «Мосточку перед кирхой? – отвечала она. – Я никогда с мосточком не разговаривала». – «Значит, ты не настоящая невеста».

И опять она сказала:

Я пойду к служанке, может,

Вспомнить мне она поможет.

Выбежала и опять давай красавицу Малеев расспрашивать: «Ты что там мосточку перед кирхой сказала?» – «А только и сказала:

Мостик мой, не обломись!

Ты, жених, не обманись!»

«За это ты мне жизнью заплатишься!» – воскликнула невеста и

поспешила в опочивальню королевича, и сказала: «Теперь знаю, о чем я с мосточком говорила!» – и повторила слова Малеен.

«А что ты говорила, обращаясь к двери кирхи?» – «К двери кирхи? Да я никогда с дверью не разговаривала». – «Ну, значит, ты не настоящая невеста».

Та опять вышла из опочивальни, опять стала красавицу расспрашивать: «О чем ты там с дверью кирхи говорила?» – «А только и сказала:

Дверь, с петельки не сорвись!

Ты, жених, не обманись!»

«Тебе за это шею сломить следует! – воскликнула невеста в величайшем бешенстве, однако же поспешила в опочивальню и сказала королевичу: – Знаю, знаю, что я двери кирхи говорила!» – и повторила слова королевны.

«Но где же у тебя то ожерелье, которое я тебе дал у дверей кирхи?» – спросил он. «Какое ожерелье? Ты мне никакого не давал!» – «Сам я его тебе на шею повесил, сам и застегнул: коли ты этого не знаешь, то ты не настоящая невеста».

Он сдернул ей покрывало с лица, и когда увидел ее ужасное безобразие, то отскочил от нее и сказал: «Как пришла ты сюда? Кто ты?» – «Я – твоя нареченная невеста; но так как я боялась, что люди, увидев меня, станут надо мною смеяться, то я приказала судомойке одеться в мое подвенечное платье и вместо меня идти с тобою в кирху». – «Где же она? – воскликнул королевич. – Я хочу ее видеть; ступай и приведи ее ко мне!»

Та вышла и сказала слугам: «Эта судомойка – обманщица! Сведите ее во двор и отрубите ей голову».

Слуги ухватили было красавицу Малеен, но она так громко стала призывать на помощь, что королевич услышал ее голос, поспешил из своей комнаты и приказал слугам немедленно выпустить девушку на свободу.

Принесли свечи, и тогда он заметил у нею на шее то золотое ожерелье, которое он надел на нее перед дверьми кирхи.

«Ты – настоящая моя невеста! – сказал королевич. – Ты со мною и в кирху шла, приди же теперь ко мне в опочивальню».

Когда они остались наедине, он сказал ей: «Ты в то время, как мы шли к кирхе, упоминала о красавице Малеен, моей нареченной невесте; если бы я думал, что это возможно, то я готов был бы верить, что она стоит передо мною: так поразительно ты на нее похожа».

И она отвечала: «Ты и точно видишь перед собою невесту Малеен, которая из-за тебя семь лет просидела во мраке темницы, голод и жажду вынесла и долго-долго жила в нужде и бедности; но сегодня и на меня просияло солнышко красное. Я с тобой в кирхе повенчана, я тебе законная супруга».

Они поцеловались и счастливо стали поживать до конца дней своих.

А ложной невесте за ее коварство отрубили голову.

А башня, в которой сидела девица Малеен, стояла еще долго-долго, и проходившие мимо дети пели:

Дин-дон, дин-дон!
Кто в той башне заключен?
Это дочка короля,
К ней войти никак нельзя.
Этих стен не сокрушить,
Камни эти не свернуть,
Милый Гансик, только ты
Проведешь меня туда.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм.

Хрустальный шар

Некогда жила на свете волшебница, и были у нее три сына, которые были связаны между собой горячею братской любовью. Но старуха-мать им не доверяла и думала, что они хотят у нее похитить ее власть.

Вот и обратила она старшего сына своего в орла, который должен был гнездиться на высокой скале.

И лишь изредка можно было видеть, как он плавал в небе широкими кругами.

Второго она оборотила китом, и жить ему пришлось в глубине морской.

И лишь изредка можно было видеть, как он всплывал на поверхность и выбрасывал мощную струю воды.

И только на два часа ежедневно им обоим возвращался их человеческий образ.

Третий сын, испугавшись того, что мать, пожалуй, и его обратит в какое-нибудь хищное животное, в медведя или волка, потихоньку ушел от матери.

А он слышал, что в Замке Ясного Солнышка сидит заколдованная королева и ждет себе избавителя.

Каждый желающий ее избавить должен был, однако же, подвергать свою жизнь опасности, да к тому же так как двадцать три юноши уже умерли из-за нее жестокою смертью, то за избавление ее мог

взяться еще только один юноша – и потом уже никто никогда не смог бы ее от колдовства избавить.

А так как этот юноша обладал сердцем бесстрашным, то он и решился побывать в Замке Ясного Солнышка.

Долго пришлось ему бродить по белу свету, и все же он не мог того замка отыскать.

И вот наконец во время этих поисков он попал в большой дремучий лес и не знал, как из него выбраться.

И вдруг увидел он вдали двух великанов, которые поманили его к себе рукою.

Когда он к ним подошел, они сказали: «Мы спорим о шапке и не можем ни к какому решению прийти: мы оба одинаково сильны и потому ни один из нас не может отнять эту шапку у другого; вы же, маленькие люди, умнее нас, а потому мы и хотим тебе предоставить решение нашей тяжбы». – «Охота же вам из-за старой шапки тягаться?» – сказал им юноша.

«Да ты не знаешь, какие у нее свойства! Ведь эта шапка не простая, а волшебная: ее только надень да пожелай где бы то ни было очутиться – в тот же миг там и будешь». – «Ну, так дайте мне эту шапку, – сказал юноша, – я пойду вперед по дороге, и когда я вас кликну, бегите ко мне взапуски, и кто, первый до меня добежит, тому и волшебная шапка достанется».

Надел он шапку и пошел вперед, и, все думая о королевне, совсем забыл о великанах, и шел да шел путемдорогою.

И вот среди горемычных дум своих он вздохнул из глубины души и воскликнул: «Ах, как бы я желал теперь быть в Замке Ясного Солнышка!» И чуть только произнес эти слова, как уже очутился на высокой горе, перед воротами замка.

Он вошел в замок и прошел через все комнаты, пока не нашел королевы в последней комнате.

Но как же он испугался, когда взглянул на нее: лицо у королевы было пепельно-серое, все в старческих морщинах, глаза мутные, волосы грязно-рыжие.

«Вы ли та королева, о красоте которой молва во всем свете разносится?» – воскликнул он.

«Ах, – отвечала она, – эта наружность не мне принадлежит, и глазам людей я могу представиться только в таком безобразном

виде; но чтобы дать тебе понятие о моей настоящей наружности, я дам тебе взглянуть на меня в зеркало, которое не обманывает и покажет меня в настоящем виде».

Она подала ему зеркало, и он увидел в нем отражение девушки дивной красоты.

Увидел и то, что с горя крупные слезы текли по щекам ее. Тут и спросил он ее: «Каким же способом можно тебя от чар избавить? Я не боюсь никакой опасности!»

Она сказала: «Кто добудет хрустальный шар и поднесет его околдовавшему меня волшебнику, тот этим самым уничтожит его силу, и я буду возвращена к моему истинному человеческому образу. Но, увы! – добавила она. – Столь многие из-за этого уже расстались с жизнью, что мне жаль тебя, юноша, если и ты вздумаешь подвергаться тем же величайшим опасностям». – «Меня ничто не может от этого воздержать, – сказал он, – но скажи же мне, что должен я делать». – «Ты все сейчас узнаешь, – сказала королева. – Когда ты сойдешь с горы, на которой стоит замок, то внизу, у родника, увидишь дикого зубра, и с ним-то тебе придется вступить в битву. И если тебе удастся его убить, то из него поднимется огненная птица, которая носит в себе раскаленное яйцо, а в том яйце вместо желтка и находится хрустальный шар. Но птица та не уронит яйца, пока ее к тому не вынудят, а если она на землю падет, то сожжет и спалит все кругом, да и само яйцо растает, а с ним и хрустальное ядро, и все твои усилия пропадут даром».

Сошел юноша к роднику, где зубр встретил его фырчаньем и мычаньем.

После долгой битвы юноша вонзил в него меч, и зубр рухнул на землю.

В тот же миг из зубра вылетела огненная птица и собиралась улететь, но орел, родной брат юноши, следивший за ним из-за облаков, пал на ту птицу, погнав ее на море и так ударил своим клювом, что она выронила яйцо.

То яйцо упало не в море, а на прибрежную рыбацью хижину, которая тотчас стала дымиться и чуть было не загорелась.

Но тут поднялись на море громадные волны, нахлынули на хижину и пожар потушили.

Те громадные волны поднял в синем море и нагнал к берегу другой брат юноши, обращенный злою волею материволшебницы в кита.

Когда пожар был потушен, юноша стал искать яйцо и благополучно нашел его.

Оно не растаяло от пламени, только скорлупа его была надтреснута от быстрого охлаждения яйца, и юноша легко мог из него добыть хрустальный шар.

Когда же юноша явился к волшебнику и поднес ему то ядро, волшебник сказал: «Мое могущество разрушено, и ты отныне – владыка Замка Ясного Солнышка. Этим самым ты можешь и братьям своим возвратить их человеческий образ».

Тогда юноша поспешил к королевне.

И, чуть только вошел в ее комнату, видит, что стоит она там в полном блеске своей красоты.

И тут же они, исполненные светлой радости, обменялись друг с другом обручальными кольцами.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Старый Ринкранк

Жил да был на свете король, а у него была дочка. И велел тот король устроить стеклянную гору и сказал, что кто на ту гору взбежит не упавши, тот и бери его дочку в жены.

И был такой человек, который королевну очень любил, он и спросил у короля, может ли он получить руку его дочери. «Отчего же? – сказал король. – Если он может взбежать на ту стеклянную гору и не упадет, тогда он может на ней жениться».

Тогда сказала королевна, что она сама с ним хочет на ту гору

взбежать, чтобы поддержать его, если он вдруг падать станет. И вот побежали они вместе, и когда уже были на середине горы, королева поскользнулась, упала, а гора стеклянная под ней разверзлась, и она туда провалилась; и жених даже не мог указать, где именно она через ту гору провалилась, потому что гора опять тотчас же закрылась и сгладилась.

Он стал сокрушаться, да и король-то тоже опечалился и приказал тотчас сломать стеклянную гору и думал, что ему как-нибудь удастся вытащить из-под нее дочь, но он не мог даже и найти того места, куда она под горою провалилась.

Между тем королева-то провалилась глубоко под землю и попала в большую пещеру.

Тут повстречала она старика с большою седою бородою, и тот ей сказал, что если она хочет у него быть служанкой и все то делать, что он ей прикажет, то он ее оставит жить у себя, а если не хочет, то тут ей и конец.

Тогда она стала выполнять все, что он ей приказывал.

А старик с утра вынимал свою лестницу из кармана, приставлял ее к горе и, взобравшись по ней, уходил в гору; а лестницу свою он забирал с собою.

И вот она должна была варить ему кушанье и постилать ему постель, и всю указанную ей работу выполнять.

А когда он возвращался домой, то каждый раз приносил с собою кучу золота и серебра.

Когда она у него уже много лет прожила и он уже совсем одряхлел, то он стал называть ее госпожа Мансрот, а ей позволил называть себя Старым Ринкранком.

И вот однажды, когда его не было дома, королева ему постель постелила и посуду вымыла, а затем заперла все окна и все двери накрепко, а небольшое окошечко наверху открыла, чтобы свет через него проходил.

Когда Старый Ринкранк вернулся, то постучал у дверей и крикнул: «Госпожа Мансрот, отвори мне дверь». – «Нет, – отвечала она, – не отворю тебе двери. Старый Ринкранк».

Тогда он сказал:

Я стою больной и старый,

Похудевший и усталый,
Сердце у меня сдает.
Мадемуазель Мансрот,
Ужин ты уже готовишь?

«Нет, ужин я уже приготовила», – отвечала она. А он опять за свое:

Я стою больной и старый,
Похудевший и усталый,
Сердце у меня сдает.
Мадемуазель Мансрот,
Ты постель уже готовишь?

«Нет, я постель тебе уже сготовила», – отвечала она. А он опять ей то же:

Я стою больной и старый,
Похудевший и усталый,
Сердце у меня сдает.
Мадемуазель Мансрот,
Отворяй же дверь скорей!

А так как она все не отпирала ему, то он обежал весь свой дом кругом, увидел, что открыто наверху маленькое окошечко, да и подумал:

«Дай-ка я загляну в это окошечко, посмотрю, что она там делает и почему она мне дверь не открывает».

Захотел он в то окошечко заглянуть, да длинная борода ему мешает. Вот он и вздумал сначала в окошечко пропустить свою бороду, а потом уже просунуть и голову, но королева, как увидела бороду, так захлопнула окошечко и защемила в нем бороду.

Тут стал он жалобно кричать и упрашивать, чтобы она его бороду выпустила.

Она отвечала, что не выпустит, пока он не отдаст ей ту лестницу, по которой он поднимался в гору.

Хочешь не хочешь, а должен он был ей сказать, где у него та

лестница припрятана.

По этой лестнице выбралась она на землю, пришла к отцу и рассказала ему, где она была.

Очень обрадовался король, и жених тоже, и вот пошли они, и сошли в глубь горы, и разыскали там Старого Ринкранка со всем его серебром и золотом.

Король приказал Старого Ринкранка убить, а все его золото и серебро с собою захватить.

Тут королева обвенчалась со своим прежним женихом, и зажили они в довольстве и в радости.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм. Могильный холм

Богатый мужик стоял однажды у себя во дворе и окидывал взглядом свои поля и сады; хлеба были всюду чудесные, а плодовые деревья гнулись под множеством плодов. Зерно прошлого года еще такими грудями лежало на чердаке, что балки едва-едва выносили его тяжесть.

Потом пошел он в хлев: там стояли откормленные быки, жирные коровы и сытые гладкие лошади.

Вернулся он в свою комнату, бросил взгляд на железные сундуки, в которых лежали его деньги.

В то время, как он там стоял, озирая свое богатство, вдруг кто-то сильно постучался к нему; но постучался не в дверь его комнаты, а в дверь его сердца...

И та дверь отворилась, и он услышал голос, говоривший ему: «Много ли пользы принесло твоим близким все твоё богатство? Снисходил ли ты к нужде бедных? Делился ли ты своим хлебом с

голодными? Довольствовался ли ты тем, чем обладал, или желал все большего?»

Сердце не замедлило с ответом на вопросы того голоса: «Да, я был жесток и неумолим и никогда не делал добра моим близким. Когда приходил ко мне бедняк, я отвращал от него взоры. О Боге я позабыл и думал только об увеличении моего богатства. И если бы даже мне принадлежало все то, что существует на свете, мне и того было бы мало...»

Услышав этот ответ сердца, мужик страшно перепугался; колени начали у него дрожать, и он должен был присесть на лавку.

Тут кто-то опять постучал, но на этот раз у дверей комнаты. То был его сосед, бедняк, у которого на руках была целая куча деток, которых он не мог прокормить.

«Знаю я, – подумал бедняк, – сосед у меня богат, но и жесток; не думаю, чтобы он мне помог, но детки мои хлеба просят – так вот, надо попытаться...»

И вот он сказал богачу: «Знаю я, что ты нелегко расстанешься со своим добром, но я нахожусь в положении безвыходном: дети мои голодают, ссуди ты меня четырьмя мерами ржи».

Богач долго и пристально смотрел на него, и первый луч доброты стал по капельке растоплять ледяную кору скупости. «Четырех мер займы я тебе не дам, – сказал он, – а подарю тебе целых восемь мер, но обязав тебя одним условием». – «Что должен я сделать?» – спросил бедняк. «Когда я умру, ты должен будешь провести три ночи на моей могиле».

Не совсем по сердцу бедняку пришлось это условие, но в той нужде, в которой он находился, он готов был на все согласиться; и поэтому он отвечал богачу утвердительно, и понес хлеб домой.

Казалось, что богач предвидел то, что его ожидало: три дня спустя он умер скоропостижно; никто не знал, как это случилось, но никто и не думал о нем горевать.

Когда богача похоронили, бедняк вспомнил свое обещание; он бы и не прочь был с этим обещанием развязаться, но он думал так: «Он оказался по отношению ко мне добрым, я насытил своих голодных деток его хлебом, да если бы этого не было – я дал обещание и должен его сдержать».

При наступлении ночи пошел он на кладбище и присел на могильный холм богача.

Кругом была тишина; только месяц светил на могилы, да изредка пролетала сова, оглашая воздух своим жалобным криком.

При восходе солнце бедняк благополучно вернулся домой; и вторая ночь прошла точно так же спокойно. Под вечер третьего дня бедняку было как-то особенно жутко: ему все казалось, что ему еще предстоит пережить что-то страшное.

Подойдя к кладбищу, он увидел у его ограды человека, совершенно ему незнакомого.

Он был уже немолод, лицо все в рябинах, а глаза острые, так и горят. Весь он был окутан в старый плащ, изпод которого были видны только сапоги со шпорами.

«Чего вам здесь надо? – спросил у него бедняк. – Или вам не страшно на пустом кладбище?» – «Ничего мне не надо, – отвечал незнакомец, – и бояться мне нечего. Я отставной солдат и собираюсь здесь провести ночь, потому что у меня нет другого приюта». – «Коли вы точно ничего не боитесь, так проведите ночь со мною и помогите мне стеречь одну могилу». – «Стоять на страже – солдатское дело, – отвечал тот, – и что бы ни случилось с нами, хорошее или дурное, мы все поделим пополам».

Ударили по рукам и сели рядом на могилу.

Все было тихо до полуночи, а в полночь раздался вдруг в воздухе резкий свист, и оба стража увидели перед собой дьявола, который явился перед ними в своем настоящем виде.

«Прочь отсюда, негодяи! – крикнул он им. – Тот, кто лежит в этом могиле, давно уж принадлежит мне: я унесу его с собою, а если вы не отойдете прочь, то и вам обоим сверну шею!» – «Господин с красным пером, – заговорил солдат, – вы мне не начальник, и я не обязан вас слушаться; ну, а страху я покамест еще не научился. Ступайте-ка своей дорогой, а мы здесь останемся».

Дьявол подумал: «Золотом, пожалуй, я скорее этих оборванцев смаю».

И, значительно понизив голос, спросил их по-приятельски, не согласятся ли они сойти со своего места, если он им предложит кошелек, полный золота.

«Это – другое дело! – сказал солдат. – Но ведь кошельком, полным золота, нас не удовлетворишь, вот если ты желаешь дать нам столько золота, сколько влезет в один из моих сапогов, так мы тебе очистим место и уйдем». – «Да столько-то у меня с собой не найдется, – сказал дьявол, – но я сейчас вам принесу: в соседнем городе живет у меня приятель-меняла; тот меня охотно ссудит золотом на время».

Когда дьявол исчез, солдат снял сапог с левой ноги и сказал: «Давай-ка мы натянем нос черномазому; подай сюда ножик, куманек». Он обрезал подошву у сапога и поставил сапог в высокую траву на край полузаросшей ямы.

«Вот так-то ладно, – сказал он, – теперь пускай приходит нечистая сила!»

Оба опять уселись и стали ждать, и немного спустя явился дьявол с мешочком золота в руках.

«Высыпай сюда, – сказал солдат и чуть-чуть приподнял сапог вверх, – да только этого недостаточно будет».

Дьявол опорожнил мешок, золото просыпалось сквозь сапог, а сапог оказался пустым. «Глупый дьявол! – воскликнул солдат. – Этого не хватит, разве я тебе этого тотчас же не сказал? Возвращайся обратно да больше приноси».

Покачал дьявол головою, опять улетел и через час вернулся с еще большим мешком золота под мышкой. «Пополнится маленько, – сказал солдат, – но я сомневаюсь, чтобы этого хватило весь сапог заполнить».

Золото зазвенело, падая внутрь голенища, но сапог все же оставался пустым.

Дьявол и сам в него заглянул своими огненными очами и убедился в том, что сапог был действительно пуст. «Ужасно у тебя икры толсты», – воскликнул он, искривив рот от злости. «А ты небось думал, что у меня ноги-то лошадиные, как у тебя? – возразил ему солдат. – А с коих пор ты стал таким скрягой? Тащи скорее сюда денег побольше, а не то из нашей сделки ничего не выйдет».

И опять улетел дьявол.

На этот раз он пробыл долее в отсутствии и когда наконец явился, то кряхтел под тяжестью мешка, который тащил на плече.

Он высыпал все золото из мешка в сапог, который точно так же мало наполнился, как и прежде.

Он пришел в ярость и хотел вырвать сапог из рук солдата, но в то же мгновение на востоке прорезался первый луч восходящего солнца, и злой дух улетел с громким воплем. Грешная душа богача была от дьявола избавлена.

Бедняк хотел было поделить золото пополам, но солдат сказал: «Отдай бедным мою долю; а я к тебе переселюсь в хижину, и мы с остальной долей проживем мирно и тихо, пока Господь грехи наши потерпит».

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Хлебный колос

Некогда, когда Господь Бог сам жил на земле и сама земля была гораздо плодороднее, чем теперь, тогда в колосе было не пятьдесят-шестьдесят, а четыреста-пятьсот зерен. Тогда и зерна на стебле шли снизу доверху, и весь этот стебель составлял один сплошной колос.

Но, как водится между людьми, в изобилии они не придают значения благодати Божией и становятся по отношению к ней равнодушными и легкомысленными.

Однажды шла какая-то женщина мимо хлебного поля, и ее ребенок, бежавший около нее вприпрыжку, свалился в лужу и запачкал себе одежку. Тогда мать сорвала полную горсть чудных колосьев и вычистила ими платье ребенка. Когда Господь, как раз в это время проходивший мимо, увидел, что она делает, то он разгневался и сказал: «Отныне стебли хлебных растений не должны более иметь колосьев, люди недостойны ниспосылаемых им

благ». Находившиеся в ту пору вблизи от Господа перепугались, пали перед ним на колени и молили, чтобы он хоть что-нибудь оставил на конце стебля у хлебных растений: «Если мы сами даже и недостойны того, то даруй ради ни в чем неповинных кур, а не то им придется помереть с голоду».

Господь, который уже вперед знал, что куры будут в зерне нуждаться, снизошел до этой просьбы. Вот на верхуто стебля и до сих пор еще остался колос в таком виде, как он тогда был.

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Гримм.

Барабанщик

Однажды вечером молодой барабанщик вышел один в поле и пришел к озеру; тут увидел он, что на берегу лежат три кусочка белого холста. «Какое полотно-то тонкое», – сказал он и один из этих кусочков сунул в карман.

Он пошел домой, о своей находке и думать забыл и преспокойно улегся в постель.

Чуть только стал он засыпать, ему почудилось, что кто-то зовет его по имени.

Он стал прислушиваться и расслышал тоненький голосок, который кричал ему: «Барабанщик, а барабанщик, вставай!»

Ночь была темная, и он никого не мог видеть, но ему показалось, что перед его кроватью носится какая-то легкая тень.

«Чего тебе от меня нужно?» – спросил он. «Отдай мне мою рубашку, – отвечал ему голос, – ту самую, которую ты вчера унес с озера». – «Ты ее получишь, если скажешь мне, кто ты». – «Ах, – воскликнул опять тот же голос, – я дочь могущественного

короля, попалась в руки ведьмы и вынуждена жить на стеклянной горе. Каждый день я должна вместе с моими двумя сестрами купаться в озере, но без моей рубашки я не могу с озера улететь. Сестры уже полетели домой, а я должна была отстать от них. Прошу тебя, отдай мне мою рубашку». – «Успокойся, бедняжка, – сказал ей барабанщик, – охотно возвращу тебе твою рубашку», – и подал ей рубашку в темноте.

Она быстро схватила ее и хотела с нею умчаться.

«Обожди минутку, – сказал он ей, – быть может, я могу тебе помочь?» – «Помочь ты мне можешь только тогда, когда ты поднимешься на стеклянную гору и избавишь меня из-под власти ведьмы. Но тебе не дойти до той горы, да если бы ты и пришел к ней, так на нее не взберешься». – «Захочу, так взберусь! – сказал барабанщик. – Мне тебя жалко, а страху я не ведаю. Но ведь я не знаю дороги к той стеклянной горе!» – «Дорога идет лесом, в котором живут людоеды, – отвечал голос, – и больше я ничего тебе не смею сказать».

Затем он услышал, как она улетела.

На рассвете барабанщик поднялся, повесил свой барабан через плечо и бесстрашно двинулся вглубь того леса, в котором жили людоеды. Пройдя по нему некоторое расстояние и не видя ни одного великана, барабанщик подумал: «Надо мне этих негодяев разбудить», – принялся за барабан и давай выбивать на нем такую дробь, что птицы с криком взвились с деревьев!

Вскоре из травы поднялся и великан, который в траве спал, поднялся и стал с сосною вровень.

«Козявка этакая! – крикнул великан. – Как смеешь ты тут барабанить? Самый-то сладкий сон мой нарушил!» – «Я потому и барабанил, чтобы указать путь многотысячному войску, которое идет за мною следом», – отвечал барабанщик.

«А этому многотысячному войску чего же нужно в моем лесу?» – спросил великан.

«Они хотят лес от такого чудовища, как ты, очистить, а тебе карачун прописать». – «Ого! Да я вас всех, как мурашей, растопчу!» – «Ты воображаешь себе, что мог бы против них что-нибудь сделать? – сказал барабанщик. – Да ведь если ты нагнешься, чтобы хоть одного ухватить, то он отпрыгнет и

спрячется; а чуть ты спать ляжешь, они из всех кустов повылезут и полезут на тебя: у каждого в руках стальной молоток, и этими молотками они тебе живо прошибут череп».

Великан нахмурился и подумал: «Коли я с этим хитрым народом схвачусь, так, пожалуй, и точно – не приключилось бы мне какого зла! Волка и медведя я задушить могу, а от этих червяков отбиться будет мудрено».

«Слышь-ка, маленький человек, – сказал великан, – ступай назад, я обещаю тебе, что впредь не трону ни тебя, ни твоих товарищей, и если ты еще чего-нибудь желаешь, то говори смело: я не прочь кое-что сделать для твоего удовольствия». – «Ноги у тебя длинные, – сказал барабанщик, – и ты можешь бегать скорее меня; так вот, снеси меня к стеклянной горе, а я подам моим товарищам знак, чтобы они отступили и на этот раз оставили тебя в покое». – «Ступай сюда, червяк, – сказал великан, – садись на мое плечо, и я понесу тебя туда, куда ты желаешь». Великан его поднял, и барабанщик, сидя у него на плече, стал барабанить, что ему в голову взбрело. Великан подумал: «Это он дает своим знак к отступлению».

Немного спустя на пути им попался другой великан, который засунул барабанщика в петлицу своей одежды. Наш смельчак ухватился за пуговицу, которая была величиною с доброе блюдо, держался крепко и превесело посматривал кругом.

Затем пришли они к третьему великану, который вынул барабанщика из петлицы и посадил на поля своей шляпы; и стал там барабанщик взад и вперед расхаживать и по верху деревьев поглядывать, и когда увидел гору в синей дали, то подумал: «Это, вероятно, и есть стеклянная гора!» – и не ошибся.

Великан всего только два шага переступил, как они уже очутились у подошвы горы, где барабанщик и был ссажен на землю. Барабанщик потребовал, чтобы великан его отнес на самую вершину горы, но тот только потряс головою, проворчал что-то себе в бороду и ушел в лес.

Вот и стал бедняк перед горой, которая была настолько высока, как если бы три горы были поставлены одна на другую, и притом гладкая, как зеркало; он решительно не знал, как ему на ту гору подняться. Попытался было лезть – напрасно! – все

соскальзывал вниз. «Вот кабы теперь птицей быть!» – подумал он. Но что в том толку? Крылья от думы не отрастут!

Между тем как он стоял так без всякой пользы и без помощи, он вдруг увидел невдалеке двоих людей, которые горячо между собою спорили. Он подошел к ним и увидел, что они спорят из-за седла, которое перед ними лежало, и что каждый заявлял на него свои притязания.

«Ну, что вы за дурачье! – сказал он. – Ссоритесь из-за седла, а у вас и лошади-то нет!» – «Как из-за этакоего седла не спорить!? – отвечал один из споривших. – Ведь тому, кто на него сядет, стоит только пожелать где-нибудь очутиться, хоть будь то на краю света, так мигом там и очутится! И это седло принадлежит нам обоим, очередь на нем ехать теперь за мною; а вот он этого-то и не хочет допустить». – «Так я же сейчас решу ваш спор, – сказал барабанщик, отошел немного далее и воткнул белую палку в землю; затем он вернулся и сказал: – Вот, бегите к этой цели – кто первый добежит, тот пусть на седле и едет!»

Они-то пустились во весь дух, но едва отбежали они несколько шагов, как барабанщик вскочил в седло, пожелал очутиться на стеклянной горе и в один миг уже был там.

На вершине горы расстилалась равнина, на той равнине стоял старый каменный дом, перед домом – большой рыбный пруд, а позади дома – мрачный лес. Не увидел он там ни людей, ни зверей, все было тихо кругом; только ветер шумел в лесу, да облака проносились почти над головою его.

Он подошел к дому и постучал у дверей. Когда он в третий раз постучал, дверь отперла ему старуха, темнолицая и с красными глазами; на ее длинном носу вздеты были очки; она пристально на него взглянула и затем спросила, чего он желает. «Желаю, чтобы меня ты впустила, накормила и спать положила», – отвечал барабанщик. «Все это ты получишь, – сказала старуха, – если за это выполнишь мне три работы». – «А почему же нет? – сказал он. – Я никакой работы не пугаюсь, как бы ни была она трудна!» Старуха его впустила, дала ему поесть, а вечером дала и хорошую постель.

Поутру, когда он выспался, старуха сняла со своего жесткого пальца наперсток, подала его барабанщику и сказала: «Ступай-ка

теперь на работу и вычерпай мне весь пруд этим наперстком; до наступления ночи твоя работа должна быть окончена, а все те рыбы, которые в пруду, должны быть вынуты и разложены в порядок по их величине и породе». – «Диковинная работа!» – подумал барабанщик, однако же пошел к пруду и начал вычерпывать пруд. Он черпал все утро, да много ли наперстком сделаешь – хоть тысячу лет черпай! В полдень он подумал: «Все это я делаю впустую, и решительно все равно – буду ли я или не буду работать», – прекратил работу и присел.

Тут вышла к нему девушка из дома, поставила около него корзину с едою и сказала: «Что ты тут сидишь такой печальный?» Он глянул на нее и заметил, что она была дивно хороша. «Да вот, и с первой работой не могу сладить, что же будет с другими? Я вышел на поиски королевы, которая, должно быть, здесь живет; но я ее здесь не нашел и потому думаю отправиться далее». – «Останься здесь, – сказала девушка, – я тебе в беде твоей помогу. Ты, видно, устал, так положи голову ко мне на колени и усни. Когда ты проснешься, твоя работа уже будет закончена». Барабанщику это повторять не пришлось. Как только он сомкнул глаза, она повернула волшебное кольцо и проговорила: «Вода – вверх из пруда, а рыбы – сюда!» И тотчас же вода белым туманом поднялась вверх из пруда и слилась с остальными облаками, а рыбы заплескались, выскочили на берег и стали друг к другу укладываться по величине и сортам. Когда барабанщик проснулся, то увидел с изумлением, что все было выполнено. Девушка же сказала: «Одна из рыб лежит не рядом с другими, а совсем отдельно. Когда сегодня вечером придет старуха и увидит, что все сделано, чего она желала, то она спросит: „Что значит эта рыба, лежащая отдельно?“ Тогда ты брось ей эту рыбу в лицо и скажи: „Эта рыба для тебя, старая ведьма!“»

И точно: пришла вечером старуха, задала этот вопрос, и он ей бросил рыбу в лицо. Она прикинулась, будто этого не заметила, и смолчала, однако же посмотрела на него очень злобно.

На другое утро она сказала: «Вчера тебе легка была работа, надо тебе задать работу потяжелее. Сегодня должен ты весь лес вырубить, дрова перерубить и сложить в поленницы, и к вечеру же все должно быть готово». Она дала ему топор, колотушку и

два клина. Но топор был свинцовый, а колотушки и клинья – жестяные.

Когда он начал работать, топор свернулся набок, а колотушка и клинья сплющились. Он не знал, как ему и быть, но в полдень опять пришла та же девушка с едой и утешила его. «Положи голову ко мне на колени и усни, – сказала она, – как проснешься, вся работа уже будет сделана».

Она повернула свое волшебное кольцо, и в тот же миг весь лес рухнул с треском, сам собою изрубился на поленья и уложился в поленницы; можно было подумать, что ту работу выполняют какие-то незримые великаны.

Когда он проснулся, девушка сказала ему: «Видишь, дрова все сложены в порядок; только одна ветка осталась неубранной, и если сегодня вечером старуха придет и спросит, зачем тут эта ветка, то ты ее ударь этой веткой и скажи: „Про тебя она припасена, ведьма!“»

Старуха пришла и сказала: «Видишь, как работа была легка? А это что за ветка и для чего она там лежит?» – «Для тебя она припасена, старая ведьма!» – сказал барабанщик и ударил ее этой веткой. Однако же она сделала вид, будто этого удара и не почувствовала, ехидно засмеялась и сказала: «Завтра утром ты должен все эти дрова сложить в один костер и сжечь их».

Он поднялся на рассвете и тотчас же начал сносить дрова в кучу, но может ли один человек снести целый лес? Работа, конечно, не двигалась. Но и в этой беде девушка его не покинула, она принесла ему в полдень еду, и когда он поел, то положил голову к ней на колени и уснул.

При его пробуждении весь необъятный костер горел громадным пламенем, которое поднималось языками к самому небу. «Послушай-ка меня, – сказала девушка, – когда ведьма придет, то будет тебе давать разные поручения, и если ты без страха будешь исполнять ее желания, то она ничего тебе не посмеет сделать, а если побоишься, то огонь тебя не пощадит. Под конец, все выполнив, схвати ее на руки и швырни в самое пламя».

Девушка ушла, а старуха как раз подоспела. «У-у! Зябну я! – сказала она. – Ну вот это огонь так огонь! И горит, и греет

мои старые кости – хорошо таково! Но вон там, видишь, лежит чурбан, который гореть не хочет, достань-ка мне его оттуда! Коли это выполнишь, так ты и свободен и можешь идти куда угодно. Ну-ка, валяй живей в огонь!»

Барабанщик и не задумался, разом махнул в огонь, но огонь его не коснулся, даже и волос не опалил. Он вытащил чурбан из пламени и бросил его в сторону. Но едва только чурбан земли коснулся, как обернулся красной девицей, той самой, которая ему в нужде помощь оказывала; и по ее одеждам, блиставшим от золота, он сообразил, что она и была королевна.

Но старуха опять ехидно засмеялась и сказала: «Ты уж думаешь, что добился ее? Нет еще, погоди!» И она хотела броситься к девушке и унести ее, но он не допустил: схватил ведьму обеими руками, приподнял и швырнул ее в самое пекло, и пламя мигом ее обхватило, словно обрадованное тем, что ему ведьма досталась в добычу.

Затем королевна посмотрела на барабанщика, и когда увидела, что он был красивый юноша, да подумала, что он жизнь свою подвергал опасности ради ее спасения, то протянула ему руку и сказала: «Ты на все для меня решился, но и я тоже на все для тебя готова. Если ты обещаешь быть мне верным, то будешь моим супругом. В богатстве у нас нет недостатка; нам довольно и того, что здесь ведьма успела скопить».

Тут она повела его в дом, в котором стояли сундуки и ящики, наполненные сокровищами ведьмы. Ни серебра, ни золота они не тронули, а взяли себе только драгоценные камни; и не захотели они оставаться на стеклянной горе, а потому он и сказал ей: «Садись ко мне в седло, и мы слетим с тобой вниз, как птицы». – «Не нравится мне твое старое седло, – сказала она, – да и мне стоит только повернуть мое волшебное кольцо, как мы сейчас и очутимся дома». – «Ну и отлично! – отвечал ей барабанщик. – Так пожелай, чтобы мы очутились перед городскими воротами».

В один миг они там очутились; барабанщик же сказал: «Подожди меня здесь на поле, я сейчас вернусь, схожу только к родителям моим и дам им о себе весть». – «Прошу тебя, – сказала ему королевна, – не целуй своих родителей при свидании с ними в правую щеку, иначе ты все позабудешь и оставишь меня здесь».

одинокую и покинутую среди поля». – «Как могу я тебя позабыть?» – сказал он и дал ей руку в знак того, что он очень скоро вернется.

Когда он вступил в отеческий дом, никто не узнал его, так он переменялся, потому что три дня, проведенные им на стеклянной горе, равнялись трем годам.

Наконец его кое-как узнали родители, бросились ему на шею, и он так был взволнован этой встречей, что расцеловал их в обе щеки, совсем позабыв о предостережениях своей милой. И точно – как только он поцеловал их в правую щеку, у него королева из памяти вон!

Он вывернул свои карманы и выложил на стол пригоршнями самые большие драгоценные камни. Родители его не знали даже, куда им и девать такое богатство. Отец его выстроил, наконец, великолепный замок, окруженный садом, среди лесов, лугов и полей; в нем бы и князю жить было не стыдно. А когда замок был готов, мать сказала: «Я тебе подыскала девушку, и через три дня мы сыграем твою свадьбу». И сын оказался вполне готовым исполнить желание родителей.

А бедная королева долго-долго стояла на поле перед городом, выжидая возвращения юноши. Когда за вечерело, она сказала себе: «Вероятно, он поцеловал своих родителей в правую щеку и позабыл обо мне». Ее сердце было переполнено скорбью, и она пожелала удалиться в уединенный домик в лесу, и не захотела даже вернуться ко двору своего отца.

Каждый вечер ходила она в город и проходила мимо его дома; иногда он и видел ее, да уже не узнавал. Наконец она услышала, как стали люди поговаривать: «Завтра будут праздновать его свадьбу». Тогда она сказала: «Я хочу попытаться вновь вернуть себе его сердце».

В первый день свадьбы она повернула свое волшебное кольцо и сказала: «Платье – блестящее, как солнце». И тотчас явилось перед ней платье такое блестящее, как будто оно было соткано из одних солнечных лучей.

Когда все гости были уже в сборе, королева вступила в зал. Все дивились чудному платью, и более всего сама невеста, а так как она очень любила красивые платья, то пошла к незнакомке и

спросила, не продаст ли она ей свое платье. «За деньги не продам, – отвечала та, – но если первую ночь мне дозволено будет провести у двери жениховой опочивальни, то я платье даром отдам».

Невеста должна была согласиться на ее требование, однако же примешала сонного зелья в то вино, которое жених выпивал на ночь, и барабанщик впал в глубокий сон.

Когда все кругом стихло, королевна присела у двери опочивальни жениха, приотворила дверь немного и проговорила:

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!
Неужели все, что было, ты навеки позабыл?
Вспомни, на горе стеклянной ты у ведьмы долго жил.
Вспомни, я тебя спасала от смертельного огня.
Вспомни, как ты мне поклялся не забыть вовек меня!
Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

Но все было напрасно.

Барабанщик не просыпался, и королевна с рассветом должна была уйти, не добившись своей цели.

На другой день она опять повернула свое волшебное кольцо и проговорила: «Платье – серебряное, как месяц».

Когда она явилась на свадебное празднество в платье, нежном и по оттенку, как лунный свет, она опять возбудила в невесте желание приобрести это платье и уступила его за разрешение и вторую ночь провести там же, где провела первую.

И вот снова стала она взывать среди ночной тишины:

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!
Неужели все, что было, ты навеки позабыл?
Вспомни, на горе стеклянной ты у ведьмы долго жил.
Вспомни, я тебя спасала от смертельного огня.
Вспомни, как ты мне поклялся не забыть вовек меня!
Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

Но он был опять опоен сонным зельем, и пробудить его было невозможно.

Печальная, удалилась она утром в свой уединенный лесной домик.

Однако же люди в доме слышали ее жалобные стоны и рассказали о том жениху, при этом ему пояснили, что он и не мог ничего слышать, потому что ему было подсыпано сонное зелье в вино.

На третий вечер опять повернула королевна свое волшебное кольцо и сказала: «Платье – мерцающее, как звезды».

Когда она в этом платье явилась на празднество, невеста совсем потеряла голову (тем более, что оно великолепием своим далеко превосходило оба первые платья) и сказала: «Я непременно должна его иметь».

Королевна отдала и это платье за разрешение провести ночь у дверей спальни жениха. Но на этот раз жених не выпил вина, которое ему поднесено было перед отходом ко сну, он вылил его за кровать.

И когда все в доме затихло, тогда он услышал взывавший к нему голос:

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

Неужели все, что было, ты навеки позабыл?

Вспомни, на горе стеклянной ты у ведьмы долго жил.

Вспомни, я тебя спасала от смертельного огня.

Вспомни, как ты мне поклялся не забыть вовек меня!

Барабанщик, барабанщик, друг мой милый, дорогой!

И вдруг сознание его прояснилось. «Ах, – воскликнул он, – как мог я так бесчестно поступить! Видно, что этот поцелуй в правую щеку при свидании с моими родителями меня отуманил! Он – главная причина моего вероломства!»

Тут он вскочил, взял королеву за руку и привел ее к кровати своих родителей. «Вот моя настоящая невеста! И если я женюсь на другой, то поступлю весьма дурно!» – так сказал он.

Родители, услышав от него, как было дело, согласились. Тотчас вновь зажжены были свечи в зале, принесены были и литавры, и трубы, друзей и родных вновь пригласили явиться на истинную свадьбу, которую и отпраздновали очень шумно и весело.

Отвергнутой невесте в виде вознаграждения были предоставлены чудные платья королевы – и та была очень довольна.

✖ ✖ ✖ ✖ ✖ (Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

✖ Загрузка...

Сказки братьев Гримм.

Искусный вор

Старик с женою сидели однажды перед бедным домиком: им хотелось немного отдохнуть от работы. Вдруг подъезжает к домику превосходная карета, запряженная четверкою отличных коней, и из той кареты выходит богато одетый господин.

Мужик поднялся, подошел к господину и спросил, чего он желает и чем ему можно услужить.

Незнакомец протянул мужику руку и сказал: «Я ничего не желаю кроме того, чтобы хоть один раз отведать вашей деревенской стряпни. Приготовьте же мне картофель в том виде, в каком вы его сами едите, и я тогда сяду вместе с вами за стол и с удовольствием поем вашего деревенского картофеля».

Мужик улыбнулся и сказал: «Вы, может, граф либо князь какой, а то еще и герцог? Знатным господам мало ли какие прихоти приходят в голову; а впрочем, я ваше желание исполню».

Жена его пошла в кухню и стала картофель мыть и тереть и хотела из него изготовить клецки, как это часто водится у мужиков, клецки из картофеля.

Между тем, как она была занята этим, мужик сказал незнакомцу: «Пойдемте-ка со мною в мой садик, у меня еще есть там кое-какие незаконченные дела».

А в саду у него были накопаны ямы, и он хотел в них сажать деревья. «Разве нет у вас деток, которые могли бы вам помочь в вашей работе?» – спросил приезжий. «Нет, – отвечал мужик. – То есть, был у меня сын, – добавил он, – да только уже много лет назад пропал без вести. Странный был малый: умный и сметливый,

но учиться ничему не хотел, и шалости у него были дурные; наконец, он от меня сбежал, и с той поры я ничего о нем не слышал».

Старик взял деревце, сунул его в одну из ямок и рядом с ним воткнул кол. Потом подсыпал земли в ямку, утоптал ее и в трех местах подвязал деревце соломенным жгутом к колу.

«Скажите же, пожалуйста, – сказал приезжий, – отчего вы также не подвяжете то кривое корявое деревце, которое вон там в углу почти склонилось до земли. Оно бы тоже росло прямее».

Старик усмехнулся и сказал: «Это вы, сударь, повашему рассуждаете; сейчас и видно, что садоводством вы не изволили заниматься. То дерево уже старо и искривлено, его уж никто не выпрямит, деревья можно выправлять, только пока они молоды». – «Значит, это то же, что с вашим сыном, – сказал приезжий. – Кабы вы его выправили, пока он был молод, он бы, может быть, и не бежал от вас; а теперь, пожалуй, тоже окреп и искривился?» – «Конечно, – отвечал старик, – ведь уж много времени прошло с тех пор, как он ушел; должно быть, изменился с тех пор». – «А узнали бы вы его, кабы он к вам теперь явился?» – «Едва ли узнал бы я его в лицо, – сказал мужик, – а есть у него родимое пятно на плече вроде боба».

Когда он это проговорил, приезжий снял с себя верхнее платье, обнажил плечо и показал мужику родимое пятно в виде боба на плече своем.

«Боже ты мой! – воскликнул старик. – Неужели ты точно мой сын? – И любовь к своему детищу шевельнулась в сердце его. – Но как же ты можешь быть моим сыном, – добавил старик, – когда ты такой большой барин и живешь в богатстве и изобилии? Каким же образом ты этого достиг?» – «Ах, батюшка, – возразил сын, – молодое деревце не было ни к какому колу привязано, оно кривым и выросло, а теперь уж и состарилось – его не выпрямишь. Вы спрашиваете, как я этого достиг? Я сделался вором. Не пугайтесь: из воров я мастер. Для меня не существует ни замок, ни задвижка; что я пожелаю иметь, то уже мое. И не подумайте, чтобы я крал, как обыденный вор; я беру только от избытка богачей. Бедные люди от меня не страдают: я скорее сам им дам от себя, нежели возьму у них. Точно так же я не трогаю того,

что могу получить без труда, без хитрости и уменья». – «Ах, сынок, – сказал отец, – все же мне твое ремесло не нравится; вор – все же вор, и я могу тебя уверить, что это добром не кончится».

Повел он его и к матери, и когда та услышала, что это ее сын, она стала плакать от радости; а когда он признался ей, что он сделался вором-мастером, она стала плакать еще сильнее. Наконец она сказала: «Хотя он вором стал, а все же он мне сын, и я рада, что мне еще раз удалось его увидеть».

Вот и сели они у дверей домика, и он еще раз поел с ними той грубой пищи, которую он давно уже не пробовал.

Отец сказал при этом: «Вот если бы наш господин граф, что в замке там живет, узнал, кто ты таков и чем занимаешься, так он не стал бы тебя на руках качать, как в тот день, когда он был твоим крестным у купели, а заставил бы тебя покачаться на веревочной петле». – «Не беспокойтесь батюшка, он мне ничего не сделает, я свое дело тонко знаю. Я вот и сегодня еще думаю сам к нему заглянуть, не откладывая в долгий ящик».

Когда завечерело, мастер-вор сел в свою карету и поехал в замок. Граф принял его весьма вежливо, потому что счел его за человека знатного.

Когда же приезжий объяснил, кто он, граф побледнел и на некоторое время смолк.

Наконец он сказал: «Ты мне крестник, поэтому я сменю гнев на милость и обойдусь с тобою мягко. Так как ты хвалишься, что ты вор-мастер, то я испытаю твое искусство; если же ты испытания не выдержишь, то награжу тебя двумя столбами с перекладиной и придется тебе плясать на веревке под карканье воронов». – «Господин граф, – отвечал мастер-вор, – придумайте три испытания какой угодно трудности, и если я вашу задачу не разрешу, то тогда делайте со мною все, что вам угодно».

Граф на несколько минут задумался, потом сказал: «Ладно! Прежде всего ты должен увести моего парадного коня из конюшни; затем из-под меня и моей супруги ты должен во время нашего сна выкрасть простыни с постели, да так, чтобы мы не заметили, да при этом еще снять с пальца у моей жены ее обручальное кольцо; в-третьих, наконец, ты должен украсть священника и причетника

из кирхи. И если хоть одно из этих испытаний не выдержишь – качаться тебе на виселице. Запомни хорошенько – ведь тут дело о твоей голове идет».

Мастер отправился в ближайший город; там он купил одежду у старой крестьянки и нарядился бабой.

Размалевал себе лицо, да еще и рябины подделал, так что никто бы не мог его узнать.

Затем наполнил бочонок старым венгерским вином, в которое еще подмешал очень сильного усыпительного зелья.

Бочонок взвалил он себе на спину поверх котомки и коекак, переваливаясь и ковыляя, направился к графскому замку.

Было уже темно, когда он туда добрал, он присел во дворе на камень, стал покашливать старческим кашлем и потирал руки, будто бы озябшие.

И на том же дворе перед входом в конюшню расположились около огня солдаты, которые стерегли заветного коня. Один из них заметил старуху и крикнул ей: «Подойди сюда, тетка, погрейся около нашего огня! Небось, и ночлега-то у тебя нет, и ночуешь-то ты где придется?»

Старуха заковыляла к ним, попросила отвязать у ней со спины котомку и подсела к их огню. «Что у тебя там в бочонке, старая карга?» – спросил один из солдат. «Вина глоток, – отвечала она, – я им торгую, тем и живу; вот и вам за денешки да за доброе слово охотно дам по стаканчику». – «А ну-ка! – сказал солдат и, отведав стаканчик, крикнул: – Раз вино оказалось хорошим, так я не прочь и другой стаканчик опрокинуть!» – и велел себе еще налить, и все товарищи последовали его примеру. «Эй вы, там, приятели! – крикнул кто-то из солдат тем, что в конюшне сидели. – Тут тетка винца принесла, такого, что, пожалуй, еще старше ее будет – испейте глоточек! Ей-ей, старухино лицо лучше нашего огня греет!»

Старуха не поленилась свой бочонок и в конюшню снести. А там один солдат сидел на оседланном графском коне верхом, другой держал коня под уздцы, а третий за хвост его ухватил.

Старуха стала подносить им, сколько было их душе угодно, пока весь бочонок не опорожнился.

Вскоре один из них выпустил узду из рук, прилег наземь и

захрапел; другой хвост из рук выпустил и захрапел еще громче того. Тот, что на коне был, хотя и усидел в седле, но ткнулся головой в гриву коня, заснул и засопел, словно кузнечный мех. Те, что сидели во дворе вокруг огня, давно уже спали, растянувшись на земле, и не шевелились, словно окаменели.

Увидев это, мастер-вор дал одному вместо узды веревку в руки, другому вместо хвоста – пучок соломы; но что ему было делать с тем, который на коне сидел верхом?

Сбросить его?

Так, пожалуй, еще проснется да крик подымет!

Он ухитрился вот как: распустил подпругу, подвязал к седлу пару веревок, прикрепив их к кольцам в стене конюшни, потом подтянул сонного солдата вместе с седлом вверх, а веревки закрепил к столбу.

Затем легонько отцепил коня от цепи, обмотал ему копыта старыми тряпками, чтобы звон подков о мостовую не разбудил кого-нибудь в замке, потом вывел осторожно коня из конюшни, вскочил на него и – был таков!

На рассвете мастер-вор прискакал на уведенном коне в замок.

А граф только что встал и стоял у окна. «Здравствуйте, господин граф, – крикнул мастер-вор, – вот тот конь, которого я благополучно увел из вашей конюшни. Да не угодно ли будет вам взглянуть, как славно ваши солдаты там лежат да спят, а если вам угодно будет заглянуть в конюшню, то вы увидите, как там удобно устроились и те, что сторожили вашего коня».

Графу пришлось смеяться, затем он сказал: «Ну что же? На этот раз удалось тебе, но в другой раз не так-то легко с рук сойдет. И я предупреждаю тебя, что если встречу с тобой, как с вором, то и поступлю с тобой, как с вором».

Когда в тот день вечером графиня легла в постель, она крепко стиснула ту руку, на которой у ней было надето ее обручальное кольцо, и граф сказал ей: «Все двери заперты на ключи и задвижки; а я сам не лягу спать, а буду поджидать вора; ну, а если он вздумает влезть в окно, то я застрелю его на месте».

Мастер же с наступлением темноты направился к виселице, снял из петли горемыку, который Там висел, и на спине потащил его в графский замок.

Там он подставил лестницу прямо к окошку графской опочивальни, посадил себе мертвеца на плечи и с этой ношей начал всходить по лестнице.

Когда он поднялся настолько высоко, что голова мертвеца появилась в окне опочивальни, граф, который лежал в постели и прислушивался, выстрелил из пистолета.

Мастер-вор сейчас же сбросил мертвеца с лестницы, спрыгнул и сам и притаился за углом.

Тем временем месяц уже взошел, и он мог ясно видеть, как граф из окошка вылез на лестницу, спустился с нее и потащил мертвеца в сад. Там стал он рыть яму, в которую хотел его опустить.

«Теперь, – сказал вор, – самое настоящее время!»

Проворно выскочил он из своего угла, взобрался на лестницу – и прямо в опочивальню к графине. «Голубушка, – заговорил он голосом графа, – вора-то я убил, но ведь он все же мне крестник, и был-то он скорее плутом, нежели злодеем; а потому и не хочу я предать его на общий позор, да и бедных родителей его жалко. Вот я до рассвета и думаю сам похоронить его в саду, чтобы огласки не было. Дай, кстати, мне и простыню из-под себя, я заверну в нее покойника и зарюю его, как собаку».

Графиня отдала ему простыню.

«А знаешь ли что? – сказал вдруг мнимый граф. – На меня порыв великодушия нашел: давай мне и кольцо свое! Этот несчастный из-за этого твоего кольца жизни не пожалел, так уж пусть возьмет его с собой и в могилу!»

Графиня не хотела перечить графу, и хоть очень неохотно, но все же сняла с пальца кольцо и отдала его вору. Тот улизнул с кольцом и простынею и благополучно прибыл домой, прежде чем граф покончил в саду свою могилыщицкую работу.

Какое лицо вытянул на другое утро граф, когда мастервор пришел к нему и подал ему свои трофеи!

«Да ты что же? Колдун, что ли? – спросил он у вора. – Кто тебя вырыл из могилы, в которую я сам тебя опустил? Кто оживил тебя?» – «Меня вы не изволили опускать в могилу, – сказал вор, – вы в ней похоронили висельника».

И он рассказал графу в подробности, как все было. И граф

должен был отдать справедливость его чрезвычайной ловкости и хитрости. «Но ведь это еще не все! – добавил он. – Тебе еще предстоит разрешить третью задачу, и если это тебе не удастся, то остальное тебя не спасет!»

Мастер-вор только усмехнулся и ничего не ответил графу.

С наступлением ночи вор явился с длинным мешком за спиной, с большим узлом под мышкою и с фонарем в руке к кирхе.

В мешке у него были живые раки, в узле – коротенькие восковые свечки.

Он присел на кладбище, вытащил рака из мешка, а из узла восковую свечку, которую и прилепил ему на спину, потом зажег свечку, опустил рака на землю и пустил его ползать.

Затем то же самое сделал он и с другими раками и так распустил всех раков по кладбищу.

Потом он накинул на себя длинную черную одежду, нечто вроде монашеской рясы, и прилепил себе седую бороду к подбородку.

Сделавшись совершенно неузнаваемым, он взял мешок, в котором принес раков, вошел в кирху, в которой никого не было, и поднялся на кафедру.

Часы на башне пробили полночь; и едва только замер последний удар, вор стал с кафедры кричать громким и зычным голосом: «Услышьте все вы, люди грешные! Пришел конец свету, светопреставление близится; услышьте, услышьте! Кто желает с моей помощью попасть в рай небесный, тот полезай в мой мешок! Я там привратником служу, я отпираю и запираю врата рая. Вон взгляните, по Божьей ниве уже бродят умершие и собирают свои косточки. Придите, придите и полезайте в мой мешок, пришел конец миру!»

Крик этот разнесся по всей деревне.

Пастор и причетник, которые жили поблизости от кирхи, услышали его первые; а когда они при этом еще увидел свечи, которые всюду мелькали по кладбищу, то поняли, что совершается нечто необычное, и вошли в кирху.

Они с минуту прислушивались к той проповеди, которая раздавалась, с кафедры, и затем причетник подошел к пастору и сказал: «Недурно бы нам воспользоваться случаем и пробраться бы в рай прежде, чем наступит светопреставление!» – «Ну,

конечно! – отвечал пастор. – Я и сам так же думаю, и если вы хотите, мы с вами сейчас и в путь!» – «Извольте, – отвечал причетник, – но вам, господин пастор, вперед идти, а я за вами следом».

Пастор и пошел вперед и взошел на кафедру, где мастер-вор и открыл ему мешок.

Пастор влез в него первый, а за ним причетник. Тогда наш хитрец крепко завязал их в мешке, ухватил его за конец и поволок по лестнице с кафедры; и каждый раз, когда оба дурня стучались головами о ступени, вор кричал: «Теперь уж переходим через горы!»

Затем протащил их и через деревню, и перетаскивая через лужи, приговаривал: «Теперь несемся через влажные облака».

А когда стал их втаскивать вверх по лестнице замка, он воскликнул: «Теперь уж взбираемся на небесную лестницу и скоро вступим на первый двор рая».

Взобравшись на самый верх, он оставил мешок на голубятне, и когда голуби стали кругом летать, он сказал: «Слышите, как ангелы радуются и крылами машут?»

Затем он запер дверь и ушел.

На другое утро пришел он к графу и сказал ему, что и третью задачу он выполнил: пастора вместе с причетником унес из кирхи. «А куда же ты их девал?» – «Они оба, засаженные в мешок, теперь находятся у вас на голубятне и воображают себе, что они унесены на небо».

Граф поднялся наверх и убедился в том, что вор не обманул его. Когда пастор и причетник были из мешка выпущены, граф обратился к вору и сказал: «Ну, ты – из воров вор. И ты точно разрешил заданную тебе задачу. На этот раз ты выпутался из дела благополучно; но все же уходи из моего графства, потому что если ты опять за то же примешься, то можешь смело рассчитывать на виселицу».

Мастер-вор распрощался со своими родителями, опять ушел бродить по белу свету, и никто уже ничего более о нем не слышал.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Сказки братьев Гримм. Морская свинка

Жила-была на свете королева, и у той королевы в замке под самой крышей был зал с двенадцатью окнами, которые обращены были на все четыре стороны света; как, бывало, она в тот зал войдет да кругом-то посмотрит, так и увидит, что во всем ее царстве делается.

Из первого окна она могла все видеть гораздо лучше других людей; из второго – еще лучше, из третьего – еще яснее и так далее, пока не доходила до двенадцатого, из которого она все могла видеть и на земле, и под землю, и ничего не могло укрыться от ее взора.

Но так как она была горда и никому не хотела подчиниться, и власть всю в своих руках удержать хотела, то и объявила она, что ее супругом может быть только тот, кто сумеет так укрыться от ее пронзительного взора, чтобы она не могла его найти.

А кто укрыться попытается, да будет ею разыскан, тому голову отрубят и на кол ее воткнут.

И вот перед ее замком постепенно появилось девяносто семь колев, и на каждом колышке по головушке; и долгое время не являлись желающие за нее свататься.

Королева была этим очень довольна и думала: «Ну, теперь я на всю жизнь буду свободна».

Но вдруг явились к ней три брата и возвестили ей, что они хотят попытать своего счастья.

Старший вообразил себе, что может укрыться от ее взгляда в яме для выжигания извести; но она увидела его уже из первого окошка, приказала из ямы вытащить и голову ему отсечь.

Второй запрятался в погреб замка, но и этого она разыскала еще

из первого окна; и головушка его мигом очутилась на девяносто девятом колу.

Тогда явился перед нею младший брат и стал ее просить, чтобы она дала ему денек на раздумье и так была бы милостива – дважды спустила бы ему, если бы он не сумел от нее укрыться; а если бы и в третий раз ему это не удалось, то он готов и жизнью поплатиться.

Потому ли, что он уж очень был красив или просил особенно умильно, королевна сказала ему: «Хорошо, я согласна на твой уговор; но предупреждаю, что и тебе не посчастливится укрыться от меня».

На следующий день он долго придумывал, как бы ему укрыться, но все было напрасно.

Тогда взял он ружье и пошел на охоту. Увидел ворона и прицелился в него; уж он хотел курок спустить, как ворон закричал ему: «Не стреляй! Я пригожусь тебе».

Он опустил ружье, пошел далее и пришел на озеро, а на том озере поднялась из глубины большая рыбина на поверхности и плавает. Он в нее прицелился, а рыба и крикнула ему: «Не стреляй, пригожусь тебе!»

Он пошел далее и повстречал хромую лисицу. Выстрелил в нее и дал промах; а лисица ему крикнула: «Лучше подойди сюда и вынь мне из ноги занозу».

Хотя он это и сделал, однако все же хотел лисицу убить и содрать с нее шкуру.

А лисица сказала: «Отпусти меня, я пригожусь тебе!» Юноша отпустил ее, и так как уже за вечерело, то он и вернулся домой. На следующий день он должен был прятаться, но, как ни ломал голову, не знал – куда.

Вот он пошел в лес к ворону и сказал: «Я тебя пощадил, так ты теперь скажи мне, куда я должен спрятаться, чтобы меня королевна не видела».

Ворон опустил голову и долго обдумывал; наконец, прокаркал: «Придумал!»

Он добыл яйцо из своего гнезда, разломил на две половины и посадил юношу в яйцо; затем он вновь его сложил и положил под себя.

Когда королева подошла к первому окошку, то не могла нигде увидеть юношу, и в следующих окнах тоже, и уж начинала тревожиться, но наконец в одиннадцатое окошко увидела. Ворона она приказала застрелить, яйцо из-под него принести и разбить, и юноша должен был из него выйти.

Она сказала ему: «Ну, один раз тебе прощается, и если ты не сумеешь лучше укрыться, то погибнешь!»

На следующий день он пошел к озеру, вызвал рыбину и говорит ей: «Я тебя пощадил; теперь скажи мне, куда бы мне укрыться так, чтобы королева не могла меня увидеть».

Долго рыбина думала и наконец воскликнула: «Вот что! Я тебя в свою брюхо спрячу!»

Проглотила она юношу и опустилась на дно озера. Стала королева в свои окна смотреть – и в одиннадцатое его не увидела, и очень была встревожена; но наконец в двенадцатое окно таки увидела его.

Приказала рыбу изловить и убить, и юношу из нее добыть. Можно себе представить, что у него на душе было! «Два раза я тебя пощадил, – сказала королева, – но я не сомневаюсь, что голове твоей придется торчать на сотом колу».

На последний день в самом тягостном настроении духа вышел юноша в поле и повстречал лисицу. «Ты такая мастерица всякие лазейки находить, – сказал он ей, – я тебя пощадил, так посоветуй же ты мне, куда я должен спрятаться, чтобы меня королева разыскать не могла...» – «Хитрая штука», – отвечала лисица и наморщила лоб в раздумье. Наконец воскликнула: «Знаю, куда!»

Пошла с юношей к одному ключу, окунулась в него и вышла оттуда рыночным торговцем, который разных диковинных зверей продает и показывает. Юноша тоже должен был окунуться в этот источник и вышел из него морскою свинкою.

Торговец пошел в город и всем там показывал это милое животное. Много сбегалось народа на свинку смотреть. Наконец пришла и сама королева, и так как ей свинка понравилась, то она купила ее у торговца за большие деньги. Прежде чем передать королеве свинку, он шепнул ей на ухо: «Когда королева пойдет к окошкам, ты ей под косу спрячься».

И вот пришло время, когда королева должна была искать юношу. Обошла она поочередно все окна от первого до одиннадцатого и нигде его не видела.

Не увидев его и в двенадцатом окне, она испугалась и разгневалась так, что все стекла во всех окнах в тысячу кусков перебила и весь замок у ней ходуном заходил.

Она от окон отошла и тут только почувствовала морскую свинку, которая у нее под косою ворочалась, схватила ее, бросила на пол и крикнула: «Прочь с глаз моих!»

Свинка побежала к торговцу и с ним вместе – к источнику; оба окунулись туда и вылезли из воды в своем прежнем виде. Юноша поблагодарил лисицу и сказал: «Ворон и рыба в сравнении с тобой были просто глупцы, а ты на все руки мастерица».

Затем юноша отправился в замок. Королева уже ожидала его и покорилась своей участи.

Отпраздновали свадьбу, и он над всей той страной стал королем и повелителем.

Никогда он жене своей не рассказывал, куда он в третий раз прятался и кто ему в этом случае оказал помощь: так она и была уверена, что он всего добился своим умом, а потому питала к нему уважение и думала: «Он похитрее меня оказался!»

(Голосов: 1. Рейтинг: 5,00 из 5)

Загрузка...

Сказки братьев Grimm. Хлебные крошки на столе (Крошки на столе)

Сказал раз петушок своей курочке:

– Зайдем со мной в комнату да поклюем на столе хлебные крошки: наша-то хозяйка в гости ушла.

А курочка и говорит:

– Нет, нет, нет, не пойду! Как узнает о том хозяйка, она прибьет нас.

Говорит петушок:

– Да она ничего о том не узнает, пойдем! Она ведь ушла, не скоро вернется.

А курочка говорит опять:

– Нет, нет, нет. Хоть она и ушла, а я все-таки не пойду.

Но петушок не давал ей покоя, все уговаривал, и вот, наконец, зашли они в комнату – да на стол, и все хлебные крошки быстро-быстро поклевали.

А тут, на беду, воротилась как раз в это время хозяйка, схватила палку и жестоко их исколотила. Выбрались они из дому, завели разговор, и говорит курочка петушку:

– Куд-куда, куд-куда, куд-куда ты ходил? А не я ль говорила куда?

Тут петушок рассмеялся и говорит:

– Хо-хо-хо, а я разве-то знал?

И пошли они себе дальше.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...